

Эхо трагедии

Я вновь иду черновыльской дорогой...

Завтра, 26 апреля, – памятная дата в истории нашей страны. В этот день двадцать два года назад на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС раздался два взрыва, в результате чего произошла самая мощная техногенная катастрофа на атомном объекте. Сразу же после аварии погибло более тридцати человек, а сотни тысяч ликвидаторов, принимавших участие в тушении пожаров и расчистке, получили высокие дозы радиации. Радиоактивное заражение произошло в радиусе 30 километров. В целом же радиоактивному загрязнению подверглось, по разным данным, около 155 тысяч квадратных километров территорий Украины, Белоруссии и России.

После катастрофы из зоны взрыва были эвакуированы около 250 тысяч человек. Число жертв крупнейшей в истории человечества техногенной катастрофы эксперты оценивают от нескольких до 100 тысяч человек.

Двадцать два года назад с последствиями аварии в Чернобыле боролись ликвидаторы из всех 15 республик СССР, для которых эта трагедия стала общей бедой. Сегодня почти каждый третий из этих людей имеет инвалидность. В МЧС имеется информация о том, что в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС принимали участие около 200 тысяч россиян.

Один из ликвидаторов последствий чернобыльской катастрофы – наш земляк, полковник в отставке Владимир Ильич Пупко. Мы встретились с ним в канун годовщины аварии и попросили его рассказать о тех событиях, очевидцем и непосредственным участником которых ему довелось стать весной печально памятного 1986 года.

– В зону, то есть отчужденную территорию радиусом в 20 километров вокруг Чернобыльской

сти больше всего подвергается лиственный лес. А на практике вышло, что не лиственный, а хвойный. Вопрос дезактивации техники теоретически тоже решался очень легко. Но мы столкнулись с таким фактом, что структурная решетка металла, взаимодействуя с радионуклидами, превращает этот металл в излучатель, то есть металл имеет свойство накапливать радиоактивность, и простой дезактивацией ему невозможно вернуть первоначальный фон. И таких примеров немало.

Как начальник оперативного отделения, я возглавлял колонну транспортных средств. Нашей главной задачей было обеспечение всем необходимым «временных постояльцев» административного корпуса АЭС – в то время там находилась почти вся Академия Наук СССР, точнее, ее представители, которые имели отношение к ядерной физике и ядерной химии.

Колонна представляла собой бронеколесную технику, защищенную листовым свинцом. А вот легковая машина, в которой я передвигался вместе с еще четырьмя военнослужащими, никак

температура поднималась выше тридцати градусов, и от респираторов у многих на лице появилась болезненная сыпь. Хотя в целом бытовые условия и питание в зоне были отличными. Кормили, что называется, «на убой» – такая вот возникла невеселая аналогия. В рационе было много мясных и рыбных продуктов, не сходила со стола морская капуста.

Во всей зоне был введен строгий «сухой закон», хотя знающие люди говорили, что спиртное способствует выведению из организма радионуклидов. Однако менталитет нашего народа таков, что если официально признать алкоголь действенным средством в борьбе с радиацией, то новая беда не заставит себя долго ждать – начнутся попойки.

Кто работал в зоне? Весь личный состав, кроме кадровых офицеров и прапорщиков, был призван из запаса. Как правило, это были люди в возрасте от 25 до 50 лет. Кто-то приехал действительно по партийным убеждениям, но чаще среди ликвидаторов встречались те, кто стоял в очереди на квартиру, детский сад или ясли. Ни одного военнослужащего срочной службы в зоне не было.

Населенные пункты в двадцатикилометровой зоне вокруг Чернобыльской АЭС представляли собой унылое зрелище. Безжизненные дома, брошенная утварь, как-то враз одичавшие кошки и куры, заросшие сады и огороды, патрули на бронетехнике с расчехленными пулеметами...

Изо дня в день, проезжая по разоренным бедой селам, мы все глубже постигали масштабы свершившейся катастрофы. Все население, ранее проживавшее в этих местах, было отселено за границу двадцатикилометровой зоны. Людей эвакуировали в спешке, из имущества разрешалось взять с собой очень немногое. Тысячи и тысячи простых крестьян, как и жители города Припяти, оказались вырванными из привычной среды, их жизни навсегда раскололись надвое: ту, что была до аварии, и ту, что нужно было как-то прожить после.

Иногда навстречу колонне двигались скорбные процессии – хоронить умерших по-прежнему разрешали на сельских кладбищах. Старики, в большинстве своем не понимавшие, что же случилось и почему их заставили покинуть родные дома, частенько наведывались на свои подворья, пытались что-то подправить в пришедшем в упадок хозяйстве. Случалось, что и мы их подвозили, если шли порожняком.

Командировка моя продолжалась два месяца. Уже в самом конце, когда я собирался отбыть к месту постоянного несения службы, мне выдали интересный документ. В нем указывалось, что за все время пребывания в зоне радиоактивного заражения, я получил всего 25 рентген. Потом эту

В. И. Пупко. Всеволожск, апрель 2008 г.

стала роковой – полученные дозы радиационного облучения явились катализаторами различных заболеваний, приведших кого к инвалидности, а кого и к смерти. В канун очередной годовщины чернобыльской катастрофы мы вспоминаем не только жестокие уроки, которые преподал нам «мирный атом», но и тех, кто волей судьбы оказался в эпицентре трагедии.

Полковник в отставке Владимир Ильич Пупко является кавалером «Ордена Мужества» и ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах» 3-й степени, награжден медалью «За боевые заслуги», многими другими правительственными наградами. За долгие годы службы в Вооруженных Силах где только ни приходилось ему нести боевую вахту – Ашхабад и Саратов, Оренбург и Капустин Яр, Киев, Винница, Байконур...

Всю жизнь Владимир Ильич занимается спортом – его мужественное сердце с ранней юности принадлежит тяжелой атлетике. Интересно, что в период с 1964 по 1967, после окончания Киевского командно-технического Краснознаменного училища им. Фрунзе, неся службу в городе Винница, он занимался в одной группе с Анатолием Кашпировским, тогда еще никому не известным молодым врачом. И по сей день Владимир Ильич является завсегдатаем спортивного зала. Мастер спорта по тяжелой атлетике, чемпион Вооруженных Сил СССР, призер первенства СССР по тяжелой атлетике в командном зачете, полковник запаса В.И. Пупко и сегодня поддерживает себя в отличной спортивной форме.

Его знают не только как глубоко порядочного человека, настоящего офицера, но и как преданного и надежного друга. Владимир Ильич – душа любой компании, обладатель сильного красивого голоса и отличного музыкального вкуса.

И еще настоящий полковник пишет стихи. Патриотическая поэзия в его творчестве прекрасно сочетается с тонкой лирикой, и, разумеется, целый цикл стихов посвящен Чернобылю. Уже в начале мая с его поэтическими опытами можно будет познакомиться на страницах очередного выпуска альманаха «Далекое – близкое».

А закончить рассказ о нашем земляке, одном из сотен тысяч героев-ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС В.И. Пупко хотелось бы такими строками:

*Сейчас я снова слышу пенье трав,
Идя с людьми черновыльской дорогой.
Земля в себя приходит, смерть поправ,
Земля полна раздумьем и тревогой.
Мне хочется припасть к ее груди,
Увидеть свет над припятской пущей,
И верить в то, что мирными людьми
Осуществится мирное грядущее...*

**Светлана ЗАВАДСКАЯ
Фото Сергея СВЕТИНА
и из архива Владимира ПУПКО**

26 апреля, в 13.00, у памятника чернобыльцам на Румболовской горе, состоится акция памяти, посвященная 22-й годовщине со дня аварии на Чернобыльской АЭС.

В. И. Пупко (справа): на боевом посту

АЭС, мы прибыли 19 мая 1986 года. Мы – это я и мой сослуживец и друг Константин Марков, который тоже преподавал в то время в Вольском высшем военном училище тыла. Скажу сразу, что вскоре после этой командировки Костя уволился из Вооруженных Сил и стал священником. Долгие годы мы дружески общались с ним, но несколько лет назад он, к сожалению, умер.

Кстати, о том, что нас направляют именно в Чернобыль, нам официально не сообщали. Но все, конечно, догадывались. Двое офицеров, которые должны были ехать первоначально, внезапно заболели и легли в госпиталь. А я поехал. Да и как я мог не поехать, если в Киеве тогда находилась почти вся моя семья. Вообще, с этим городом меня связывает очень многое – там прошло мое детство, там я закончил 71-ю школу имени Островского, с выпускниками которой мы встречаемся до сих пор. Словом, к месту выполнения специального задания мы отправились без лишних вопросов.

Как я уже сказал, 19 мая я прибыл в распоряжение начальника тыла округа генерала Литвинова. Как старшему по званию, мне было приказано возглавить отделение опергруппы. В мою задачу входило решение неотложных вопросов, связанных с обеспечением жизнедеятельности войск в одном из секторов зоны.

Наверное, так же военные чувствовали себя в 41-м – мы ощущали растерянность от того, что все, чему учили, все знания и навыки по радиационной безопасности практически не работали. Вся наука, существовавшая до этого эпохального дня, встала с ног на голову. Те постулаты, которые нам преподавали в военных училищах и академиях, превратились в дым. Например, нам всегда говорили, что радиационной зараженно-

Группа тяжелоатлетов: второй слева – В. Пупко, третий – А. Кашпировский

сти не имела. На всем пути следования мы не снимали респираторы. Пыль от встречного транспорта представляла гораздо большую угрозу, чем бета- или гамма-излучение. Чем ближе мы подъезжали к станции, тем тяжелее было говорить. Радиоактивный йод начинал поступать в организм. Из-за этого приказы приходилось отдавать практически шепотом. В день таких рейсов приходилось делать два-три.

В начале июня обочины дорог стали поливать с вертолетов так называемой «бардой» для коагуляции пыли. Барда – это отходы сахарного производства, что-то вроде патоки. После этого «пылевая» обстановка несколько улучшилась, но, лишь только проходил дождь, все начиналось сначала.

Надо сказать, что май и июнь в том году были необыкновенно жаркими. В дневное время суток

цифру исправили на 28. Откуда такие данные? Ведь до начала июня дозиметров вообще не было практически ни у кого. Затем начали выдавать так называемые «слепые» дозиметры, представляющие собой брелоки, которые являлись накопителями радиоактивности. Никто не знал их первоначального и конечного показателей. Позже я узнал: был приказ о том, чтобы личному составу, находившемуся в двадцатикилометровой зоне вокруг Чернобыльской АЭС сроком от недели и более, записывать не больше 25 рентген.

Как бы там ни было, на этом и закончилась моя «чернобыльская эпопея». После был госпиталь, где мне сообщили о том, что донором мне уже не быть – формула крови изменилась полностью. Я знаю, что для многих ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС эта командировка